

ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД КУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ

*Работа представлена кафедрой теоретической и прикладной культурологии СПбГУ.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Б. Г. Соколов*

В статье приводится анализ эволюции понятия «памятник истории и культуры» и тенденции к его трансформации в нетождественное понятие «объект культурного наследия». Обосновывается необходимость и значимость рассмотрения феномена как специфической формы культурной ценности.

Ключевые слова: *памятник истории и культуры, объект культурного наследия, культурная ценность, культура, культурология.*

A. Shukhobodsky

HISTORICAL AND CULTURAL MEMORIAL AS A SPECIFIC TYPE OF CULTURAL VALUE

The evolution of the notion of a historical and cultural memorial and the tendency of its transformation into a non-identical notion “object of cultural heritage” are analysed in the article. The necessity and significance of considering the phenomenon as a specific form of cultural value are substantiated.

Key words: *historical and cultural memorial, object of cultural heritage, cultural value, culture, cultural studies.*

В последнее время все большее внимание в обществе уделяется вопросам исторического прошлого и его влияния на настоящее и будущее. В этой связи по-новому воспринимаются идеи, высказанные русским философом XIX столетия Н. Ф. Федоровым, о том, что «нельзя при рассмотрении и изучении судеб рода человеческого ограничиваться *только бывшим*; необходимо уразуметь и *долженствующее быть*; нельзя отделять историю как факт от истории как проект» [21, с. 210].

Одним из важных элементов такого взаимодействия является феномен памятника истории и культуры. Однако его трактовка, получившая

широкое распространение в XXI в., не отвечает сущности явления. Постепенно в процессе изучения и переосмысления этого феномена произошла подмена понятия «памятник» на понятие «объект культурного наследия». Эти два понятия не являются тождественными, и главное, что второе понятие утратило как «историческую», так и «ценностную» составляющие и стало еще более аморфным, чем в начальный период его изучения. Вместо «зала ожидания» был получен «накопитель пассажиров».

В процессе становления памятниковедения в мировой культуре происходила постоянная

трансформация как понимания предмета исследования, так и самого предмета исследования. Первое упоминание о памятниках старины в смысле недвижимых памятников истории и культуры относится к закону Государственного совета Швеции от 28 ноября 1666 г. [20, с. 197]. А к концу XVIII – первой половине XIX в. вопросы охраны памятников старины рассматривались уже во многих европейских странах, включая Данию, Францию, Бельгию, Пруссию и Саксонию [8, с. 117]. Несколько позже, в конце XIX в., вопрос о памятниках истории и культуры получил всестороннее рассмотрение в Великобритании [3, с. 27] и США [4, с. 121].

В России первые указы об охране памятников были изданы Петром I в 1718–1722 гг., но только спустя сто лет в 1826 г. был издан циркуляр об охране «древних замков, крепостей и других зданий древности» [9, с. 10].

Термин «памятник» относительно недвижимых культурных ценностей появился как результат длительной эволюция в понимании явления и выделении его в отдельное обособленное понятие. Изначально использовались другие названия: «куриозные вещи», «что зело старое и необыкновенное», «раритеты», «памятник древности», «памятник старины», «археологические древности» и т. д. До начала XIX в. эти термины обозначали только движимые культурные ценности и музейные предметы. Недвижимые памятники при этом долгое время вообще не принимались во внимание. Архитектурные объекты впервые были причислены к памятникам в официальных документах лишь в 1822 г., а затем Указом Синода от 1842 г. к ним же были отнесены и церковные здания [12, с. 134]. В самом начале XX в. в России была сделана попытка введения циркуляром Министерства внутренних дел понятия «памятник новейшего времени». Этот документ распространил понятие феномена на монументы в честь исторических лиц и событий, при этом период их создания был приближен с 1725 г. до конца XIX в. Таким образом, была предпринята попытка на уровне понятия, которое схватывает реальное явление, стереть грань между прошлым и настоящим и подменить историческую составляющую на только

идеологическую, причем текущего момента. А также обеспечить условия для укрепления позиций правящей элиты путем признания национальными культурными ценностями часть произведений монументального искусства, созданных на средства той же элиты для вертикальной легитимизации самой себя. В этом в целом противоречивом нововведении содержался определенный положительный момент, так как оно отражало признание обществом и научными кругами эстетической и художественной ценности памятников и предметов старины как таковых, независимо от политических и идеологических установок. Это явилось значительным шагом в осознании глубины и разносторонности феномена памятника истории и культуры.

После Октябрьской революции тенденция к идеологизации памятников приобретает массовый характер, причем появляются новые категории памятников, носящие ярко выраженный классовый характер: «памятник революционного движения»; «памятник революции»; «памятник народного быта» и др. При этом временные рамки возникновения памятников резко сужаются до тех моментов истории, когда происходили бунты или революции, причем почти на 60 лет в еще большем объеме начинается использование памятников в политической борьбе, а само формулирование понятия вновь становится уделом чиновников и партработников, а не научного и художественного сообществ. Такое развитие событий позволило В. Л. Егорову, как ученому, изучавшему развитие и становление понятия «памятник истории», сделать теоретический вывод о том, что памятник истории является не просто оберегаемой реликвией, а социальной категорией, всегда наполненной классовым патриотическим содержанием [6, с. 106]. В настоящий период правильнее было бы утверждать, что памятник может иметь идеологическую основу, но это не является обязательным признаком памятника истории, а тем более памятника культуры.

Во второй половине XIX в. сложилось близкое к современному представление о том, что именно вкладывается в понятие «памятник истории и культуры». В частности, окончательно

было установлено, что его неотъемлемым признаком является «недвижимость» [13, с. 24]. Однако четкого определения феномена так и не было сформулировано. В каждом отдельном случае это понятие сопровождалось описательным перечислением различных категорий объектов, под которыми подразумевались памятники истории и культуры. Постепенно в объем понятия «памятник» включались все новые и новые категории исторических объектов.

Вначале в процессе формирования термина и понятия во всех странах принимали участие государственные чиновники и церковные иерархи, составлявшие различные циркуляры, указы и другие законодательные и нормативные акты. Лишь в середине XIX в. к этому процессу подключились ученые и мыслители. Перед открытием Московского археологического общества в 1864 г. А. С. Уваров дал реальную картину состояния памятников истории и культуры в России: «Не только мы, но и наши предки не умели ценить важность родных памятников, и без всякого сознания, с полным равнодушием, безобразно исправляя старинные здания или восстанавливая их заново, они не понимали, что каждый раз вырывали страницу из народной летописи» [14, с. 16]. В связи с этим и научная общественность в основном уделяла внимание разработке законодательных документов по охране памятников, а не вопросам сущности феномена. Все же можно утверждать, что на этом этапе было достигнуто понимание того, что памятник обладает свойствами источника информации и эмоционального воздействия, а также были осознаны его социальная и гносеологическая функции. Наиболее ярким примером перехода инициативы в данном вопросе от государственного аппарата к ученым и специалистам была подготовка членами Московского археологического общества проекта Закона об охране памятников, в котором была предпринята попытка выработать научную трактовку понятия «памятник» [12, с. 134]. Это понятие на тот момент охватывало движимые и недвижимые памятники, такие как курганы, здания, городища, рукописи, иконы, фрески, скульптура и т. д. Учитывая особую

важность вопроса охраны памятников, при Министерстве народного просвещения была учреждена Особая Комиссия «по обсуждению предложений о мерах к сохранению памятников древности» под председательством статс-секретаря, товарища министра внутренних дел, в которую вошли по одному представителю от Академии художеств, Императорской Археологической комиссии, Синода, а также от всех археологических обществ. То есть впервые и единственный раз за всю историю России для обсуждения вопросов памятников была создана представительная комиссия, состоящая только из специалистов [10, с. 3]. Тем не менее закон не был принят, но в результате проведенной работы к началу XX в. сформировалось представление о том, по каким признакам нужно определять памятники.

В советский период длительное время использовался термин «памятник культуры», что также отражало стремление к умалению значения истории страны в дореволюционный период. Вновь вопросами памятников занимаются административные структуры и на первый план выдвигаются идеологизированная воспитательная и утилитарная функции памятников. Понимание феномена как «памятник истории и культуры» появилось в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг., после принятия Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (принятой в Гааге 14 мая 1954) [7, с. 3]. Но, кроме этого, важно, что памятники стали рассматриваться как культурные ценности. На самом деле в официальной английской версии документа говорится о «cultural property» [25, p. 33], то есть о «культурном имуществе», о том же идет речь и во французской версии, где используется термин «biens culturels» [27, p. 15], в то время как для обозначения понятия «ценность» в этих языках используются термины «value» и «valeur» соответственно. Однако в русском официальном тексте Конвенции говорится о «культурных ценностях»*. Такое понимание памятника истории и культуры, хоть и введенное в оборот по ошибке, имеет глубокий философский смысл. Ратификация СССР Гагской конвенции в 1955 г. дала толчок для обширной дискуссии о памятниках как на уровне науч-

ного и художественного сообществ, так и в обществе в целом.

Результатом этого явилось создание в 1965 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, тогда же термин «памятник истории и культуры» впервые упоминается в нормативном документе [17, с. 144]. Позже в 1978 г. он законодательно закрепляется законом РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В определении понятия указывалось, что «памятниками истории и культуры являются сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» [15, с. 498]. И далее через разделение памятника истории и культуры на пять видов предпринималась попытка обособления рассматриваемого феномена от других антропогенных творений: «памятники истории – здания, сооружения, памятные места и предметы, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, революционным движением, с Великой Октябрьской социалистической революцией, Гражданской и Великой Отечественной войнами, социалистическим и коммунистическим строительством, укреплением международной солидарности, а также с развитием науки и техники, культуры и быта народов, с жизнью выдающихся политических, государственных, военных деятелей, народных героев, деятелей науки, литературы и искусства; захоронения погибших за свободу и независимость Родины; памятники археологии – городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, лабиринты, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов; памятники градостроительства и архитектуры – архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры, кремли, кварталы, площади, улицы, набережные, остатки древней планировки и

застройки городов и других населенных пунктов; сооружения гражданской, промышленной, военной, культовой архитектуры, народного зодчества, а также связанные с ними произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного, садово-паркового искусства, природные ландшафты; памятники искусства – произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного и иных видов искусства; документальные памятники – акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные и графические документы, кинофотодокументы и звукозаписи, а также древние и другие рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания» [15, с. 499].

Закон рассматривал памятники истории и культуры через настолько жесткую идеологическую призму, что гносеологическая, воспитательная и коммуникативная функции феномена превращались во вспомогательные относительно утилитарной, которая в отличие от присущей ей сущности приобретала агрессивно классовый характер (механический цех в здании дворца, клуб или машинно-тракторная станция в здании церкви, дом отдыха в монастыре и т. д.). В преамбуле закона сформулирована его направленность на использование памятников истории и культуры в качестве политического оружия в идейной борьбе: они «отражают материальную и духовную жизнь прошлых поколений, многовековую историю нашей Родины, борьбу народных масс за ее свободу и независимость, революционное движение, становление и развитие Советского социалистического государства»; в них «воплощены выдающиеся события Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской и Великой Отечественной войн, трудовые подвиги рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, братская дружба народов нашей страны, героическая борьба советского народа за построение социализма и коммунизма»; при этом они «составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия, свидетельствуют об огромном вкладе народов нашей страны в развитие мировой цивилизации» и «служат

целям развития науки, народного образования и культуры, формирования высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания трудящихся» [15, с. 498]. Огромным недостатком принятого закона явился тот факт, что вновь, как и в Гаагской конвенции, к памятникам были отнесены различные движимые предметы. К тому же история выделялась в отдельную от науки область знания. Как положительное явление можно рассматривать пункт закона, где указывалось, что культурная ценность может быть «исторической, научной, художественной или иной». Продвижением вперед было и то, что, хотя и на полностью политизированной основе, признавались свойства памятника быть источником исторической и эстетической информации, а также средством воздействия на социальное сознание людей и, следовательно, обладать свойствами сенсорного и эмоционального воздействия на сознание.

В связи с распадом СССР, образованием Российской Федерации и отходом от существовавших идеологических догм в 1990 г. начинается новый этап в развитии культурологии и философии в России. Вокруг памятников начинается большая дискуссия, связанная как с переосмыслением понятия, так и с уточнением границ самого феномена. Как и в XIX в., возникает длительный период, в который отсутствует законодательная база (закон 1978 г. не действует, а новый Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» принимается только в 2002 г. и из-за несовершенства пересматривается ежегодно). Данное положение вещей открыло большие возможности для свободных научных дискуссий и исследований в области, обычно сильно регламентированной законодательными актами.

Особую роль в этот период играют ратификации СССР в 1988 г. и Российской Федерацией в 1992 г. Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (принятой ЮНЕСКО, Париж, 1972 г.), в которой используется другая терминология и понятие «памятник истории и культуры» заме-

няется понятием «культурное наследие». Этот термин в России трансформируется в «объект культурного наследия» [16, ст. 2519], а термин «памятник истории и культуры» используется в скобках в законе и все реже встречается в современной научной литературе. Конвенцией вводится понятие «культурного и природного наследия выдающейся всемирной ценности» (причем определение этого термина в документе отсутствует) [24, с. 1], которое в русской официальной версии текста фигурирует как «памятник выдающегося универсального культурного и природного значения» [11, с. 1] или как «выдающаяся универсальная ценность» [11, с. 5]. Неточность перевода возникла из-за того, что английское и испанское прилагательное «universal», как и французское «universelle», имеют два значения: «универсальный» и «всемирный». В то время как в русском языке термин «универсальный» в смысле «всемирный» не используется**. Конвенцией было дано определение понятия «культурное наследие» – это: «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства и науки; ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии» [11, с. 2]. Вновь это определение носило не сущностный характер, а являлось далеко не исчерпывающим перечислением отдельных групп, но уже только недвижимых памятников. Причем что же на самом деле является культурным наследием выдающейся всемирной ценности, согласно конвенции, должно определяться Комитетом всемирного наследия, т. е. обособленной

международной группой индивидуумов, на основе соответствия одному из культурных критериев [23, с. 123], принятых этой организацией [26, р. 20]. Рассмотрение происходит по представлению страны, на чьей территории находится культурное наследие.

Следующим шагом в попытках формирования в России понятий «культурная ценность» и «культурное наследие» было принятие «Основ законодательства Российской Федерации о культуре». В них «культурные ценности» понимаются как «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [19, с. 3]. Данное определение опять является перечислением, но на этот раз как недвижимых объектов и движимых предметов, т. е. материального, так и нематериального, к примеру, «нравственные и эстетические идеалы». Основы законодательства дают и определение «культурного наследия» народов Российской Федерации. Это «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию» [19, с. 3]. В определениях явно прослеживается тавтология, так как памятники и историко-культурные территории и объекты являются также культурными ценностями. Результатом все более глубокого изучения культурного наследия и культурных ценностей и необходимостью обособления различных их видов было заключение под эгидой ЮНЕСКО 17 октября 2003 г. Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия [15, с. 1]. Эта конвенция отражает признание мировым научным сообществом наличия специфических форм культурных ценностей.

После долгих научных, политических, социологических, культурологических и экономических дискуссий в России был принят Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». В нем была осуществлена попытка гармонизировать терминологию международных ратифицированных конвенций со специфическим российским подходом к памятникам истории и культуры. Не останавливаясь из-за ограниченности статьи на множестве проектов, в которых давались различные определения памятников истории и культуры и которые во многом отражают суть как философско-культурологического дискурса, так и социально-политических дискуссий, проанализируем определение феномена, принятое в законе. К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) им отнесены: «Объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [16, ст. 2519]. Кроме того, в законе дано расширенное определение по видам объектов культурного наследия [23, с. 122], которое соответствует системе, предложенной Конвенцией ЮНЕСКО 1972 г.: памятники, ансамбли, достопримечательные места, но перечни типов объектов культурного наследия в каждом из видов значительно расширены с учетом особенностей многонациональной России. Положительным явлением в законе 2002 г. является безусловное подтверждение признака недвижимости памятников истории и культуры. Крайне отрицательным фактом необходимо признать то, что они трактуются как недвижимое имущество, имеющее ценность, в том числе и с точки зрения социаль-

ной культуры, а не как специфическая форма культурной ценности. То есть философский смысл подменяется чисто экономическим (утилитарным), что наряду с подменой понятия «памятник истории и культуры», который постепенно сводится к одному из видов «объекта культурного наследия», ведет к эрозии восприятия сущности феномена во всем его многообразии.

Несмотря на то что закон был принят в 2002 г., дискуссии по поводу культурных ценностей и памятников истории и культуры в научных кругах не утихают. Это означает, что описательный характер обоих понятий не соответствует сущности феномена и требует дальнейшего подробного изучения и построения типологии специфической культурной ценности – **недвижимого памятника истории и культуры с неразрывно связанными с ним движимыми историческими предметами**.

Очевидно, что утилитарный законотворческий подход является в значительной степени результатом некоторого общественного согласия, достигаемого в результате в том числе и научной дискуссии. Тем не менее необходимо представить определения феномена, предлагаемые современными правоведами и культурологами, которые в своих попытках осознания сущности явления расширяют наше знание о нем и в значительной степени противоречат перечислительному подходу, принятому на бюрократически-административном уровне. Так, один из крупнейших российских теоретиков памятниковедения П. В. Боярский, дал следующее определение феномену: «Памятниками истории и культуры называется совокупность материальных объектов и памятных мест, составляющих условно-непрерывный ряд, отражающий все стороны исторического развития человеческого общества в системе биосферы» [2, с. 127]. Не вдаваясь в детали этой формулировки, отметим, что и здесь отсутствует ценностный подход и, соответственно, к памятникам можно отнести всю материальную ноосферу, причем как движимую, так и недвижимую.

Другой крупный исследователь феномена А. Н. Дьячков считает, что «памятники истории

и культуры – одна из функций элементов предметного мира культуры, выделяемая людьми для осуществления передачи общественно значимых культурных и технологических традиций из прошлого в будущее» [5, с. 43]. В данной формулировке исчезают и ценностная, и материальная составляющие, и памятник из материального объекта превращается в функцию, но при этом обращается особое внимание на свойство феномена осуществлять связь между прошлым и будущим.

Наибольший интерес для данного исследования представляет концепция А. М. Кулемзина, который отмечает, что отношение общества к памятникам истории и культуры является показателем степени его цивилизованности, просвещенности и духовности. Его исследования показывают, что особенностью феномена является его не только сенсорное, но и эмоциональное воздействие как на отдельного индивидуума, так и на целые социальные группы. «В отличие от прочих объектов внешней среды памятник является носителем социально-культурных ценностей, воспроизводящим ценностные смыслы предметных отношений, формирующих личность» [13, с. 31]. Им обращается внимание на то, что памятник представляет собой особый род исторического источника, где в равной степени важны и форма и содержание, так как основным содержанием недвижимого памятника является его форма, т. е. при утрате формы теряется содержание [12, с. 137]. На основе всестороннего культурологического исследования А. М. Кулемзин предлагает следующее определение: «Памятники истории и культуры – это объекты, возникшие в результате исторических событий и явлений или несущие на себе следы их воздействия, являющиеся источниками исторической и эстетической информации прямых подлинных знаний. Они служат целям развития науки, культуры, просвещения, высокой духовности» [13, с. 56]. Это определение опять же не позволяет отделить памятники от всех других антропогенных творений и не учитывает того, что памятник является специфической формой культурной ценности. Хотя, как указано выше, именно это свойство феномена позволяет более всего

выделить его из ряда других рукотворных материальных объектов.

С точки зрения автора, наиболее простое и полное определение «культурных ценностей» предложено М. А. Александровой – к ним «относятся созданные человеком или подвергнутые его целенаправленному воздействию уникальные неодушевленные вещи, способные удовлетворять духовные потребности людей» [1, с. 37]. Основываясь на этом и учитывая, что памятники соотносятся с ценностями, как часть и целое, дадим наиболее общее определение рассматриваемого феномена: **памятники истории и культуры – это созданные человеком или подвергнутые его целенаправленному воздействию уникальные неодушевленные недвижимые материальные культурные ценности, способные удовлетворять духовные потребности людей.**

В то же время под культурными ценностями автор понимает несколько модифицированное

определение В. А. Шестакова. «Культурной ценностью называется определенная объективная объектность, которая, находясь в обладании частного лица, группы лиц или государства, представляется ценностью» для широкого круга субъектов и/или социальных групп (сословий, корпораций, религиозных конфессий, классов, наций, или всего человечества) [22, с. 87].

В заключение необходимо отметить, что в настоящей работе рассмотрен лишь один аспект многогранной проблемы и показана неправомерность отхода от ценностного подхода в изучении феномена памятника истории и культуры. Это еще раз подчеркивает, что только в результате всестороннего научного обсуждения в среде специалистов (философов, культурологов, юристов, историков, и др.) должно быть выработано правильное научное определение феномена памятника, которое и должно служить основой для нормативной документации.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Для сравнения приведем фрагменты официальных текстов ст. 1 на английском и русском языках, где жирным шрифтом выделим нетождественные понятия: «For the purposes of the present Convention, the term „**cultural property**“ shall cover, irrespective of origin or ownership: (a) movable or immovable **property** of great importance to the cultural heritage of every people... (b) buildings whose main and effective purpose is to preserve or exhibit the movable **cultural property** defined in sub-paragraph (a)...» «Согласно настоящей Конвенции **культурными ценностями** считаются независимо от их происхождения и владельца: а) **ценности**, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа... б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых **культурных ценностей**, указанных в пункте „а“...»

** Для доказательства этого тезиса в двух фрагментах оригинального текста Конвенции на английском и русском языках выделим жирным шрифтом соответствующие части текста: преамбула: «...*Considering* that it is essential for this purpose to adopt new provisions in the form of a convention establishing an effective system of collective protection of **the cultural and natural heritage of outstanding universal value**...»; «...принимая во внимание, что с этой целью необходимо принимать новые договорные положения, устанавливающие эффективную систему коллективной охраны **памятников выдающегося универсального, культурного и природного значения**...» Статья 11 п. 2: «...under the title of „World Heritage List“ a list of properties forming part of **the cultural heritage and natural heritage**, as defined in Articles 1 and 2 of this Convention, which it considers as having **outstanding universal value** in terms of such criteria as it shall have established...»; «...под названием „Список всемирного наследия“, список **ценностей культурного и природного наследия**, как они определены в ст. 1 и 2 настоящей Конвенции, которые, по его мнению, имеют **выдающуюся универсальную ценность** в соответствии с установленными ими критериями...»

*** В связи с отсутствием официального перевода документов Комитета всемирного наследия на русский язык и особой важностью используемых культурных критериев для понимания понятий «культурное наследие» и «культурная ценность», ниже приводим собственный перевод с английского языка критериев для отнесения культурного наследия к категории выдающейся всемирной ценности. Культурное наследие должно: «представлять собой шедевр человеческого созидательного гения; свидетельствовать о значительном взаимовлиянии человеческих ценностей в период времени или в определенном культурном пространстве, в архитектуре или технологиях, монументальном искусстве, планировке городов или создании ландшафтов;

являться уникальным или, по крайней мере, исключительным свидетельством для культурной традиции или цивилизации, которая существует до сих пор или уже исчезла; являться выдающимся примером строительства, архитектурного или технологического ансамбля или ландшафта, которые иллюстрируют значимый период(ы) истории человечества; являться выдающимся примером традиционных поселения людей, землепользования или использования моря, являясь образцом культуры (или культур) или взаимодействия человека с окружающей средой, особенно если она становится уязвимой из-за сильного влияния необратимых изменений; быть напрямую или отчетливо связано с событиями или существующими традициями, с идеями, верованиями, с художественными или литературными произведениями выдающегося мирового значения. (По мнению комитета, этот критерий предпочтительно использовать в связи с каким-либо еще критерием.)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова М. А.* Гражданско-правовой режим культурных ценностей в Российской Федерации: дис. на соис. ученой степени канд. юрид. наук. СПб., 2007. 189 с.
2. *Боярский П. В.* Перспективы развития памятниковедения // Памятниковедение: теория, методика, практика: сб. науч. трудов / Научно-исследовательский институт культуры. М., 1986. С. 124–142.
3. *Домрин А. Н.* Законодательство США об охране памятников национального значения // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: сб. науч. тр. // РАН. ИНИОН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., 2005. С. 26–44.
4. *Домрин А. Н.* Охрана памятников истории и культуры в Великобритании // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: сб. науч. трудов / РАН. ИНИОН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., 2005. С. 121–137.
5. *Дьячков А. Н.* Памятники в системе предметного мира культуры // Памятник и современность: Вопросы освоения историко-культурного наследия: сб. научн. тр. М., 1987. С. 41–60.
6. *Егоров В. Л.* Развитие и становление понятия «памятник истории» // История СССР. 1988. № 1. С. 100–107.
7. Гагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. М.: Госюриздат, 1957. 46 с.
8. *Жуков Ю. Н.* Роль права в охране культурно-исторического наследия в первый год Советской власти // Советское государство и право. М., 1983. № 11. С. 117–122.
9. *Жуков Ю. Н.* Сохраненные революцией. М.: Московский рабочий, 1985. 207 с.
10. *Качалова В. Г.* Проблемы охраны культурного достояния России как фактор формирования национального сознания народа // Credo New. 2002. № 3. С. 1–13.
11. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Париж: ЮНЕСКО, 1972. 14 с.
12. *Кулемзин А. М.* Правильное определение предмета памятникоохранительной деятельности – начало ее успеха // Клио. СПб.: Нестор, 1998. С. 134–137.
13. *Кулемзин А. М.* Охрана памятников в России как историко-культурное явление. Кемерово: Изд-во обл. ИУУ, 2001. 329 с.
14. Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные императорским Московским археологическим обществом. М.: ИМАО, 1911. 62 с.
15. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия. Париж: ЮНЕСКО, 2003. 17 с.
16. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 08.11.2007) // СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.
17. Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры: Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882 // Охрана памятников истории и культуры: сб. документов. М.: Советская Россия, 1973. С. 144–149.
18. Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. // Свод законов РСФСР. М.: Советская Россия, 1983. Т. 3. С. 498–526.
19. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 29.12.2006) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2008) // Российская газета. 1992. 17 ноября. № 248; 2006. 31 декабря. № 297.
20. *Оттенсон А.* Памятники культуры во все времена были объектом охраны государства // Советское право. 1985. № 3. С. 192–198.

21. Федоров Н. Ф. Сочинения: в 4 кн. М.: Прогресс, 1995. Кн. 2. 544 с.
22. Шестаков В. А. Формирование понятия «культурные ценности» // *Studia culturae*. Вып. 11: Опыты интерпретации культурного наследия в горизонте постмодерна. СПб., 2008. С. 83–92.
23. Шухободский А. Б. Статус памятника культуры // *Studia culturae*. Вып. 11: Опыты интерпретации культурного наследия в горизонте постмодерна. СПб., 2008. С. 121–127.
24. Convention concerning the protection of the world cultural and Natural Heritage adopted by the General Conference at its seventeenth session Paris, 16 november 1972, English Text, Paris, UNESCO, 1972. 16 p.
25. The Hague Convention of 1954, Paris, UNESCO, 1993. 248 p.
26. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention, Paris, UNESCO, World Heritage Centre, January 2008, WHC. 08/01, 163 p.
27. Réexamen de la Convention pour la protection des biens culturels en cas de conflit armé (Convention de La Haye de 1954), Paris, UNESCO, 1993. 179 p.